

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Н. Тихонов

ВОЛШЕБНАЯ
БУМАЖКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

**ВОЛШЕБНАЯ
БУМАЖКА**

РАССКАЗЫ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977

Когда человеку выпала на долю долгая и интересная жизнь, когда он видел и войну, и мирные дни своей Родины, ему есть что рассказать. А если он при этом побывал в зарубежных странах, присмотрелся к тому, как живут там люди, как они там трудятся, воюют с жестокой природой, борются за свои права, такие рассказы нельзя читать без волнения, потому что всё в них правда и всё рассказчик видел собственными глазами.

Есть такой удивительный рассказчик среди наших писателей. Это Николай Семёнович Тихонов. Он написал немало книг и в стихах, и в прозе. Когда со временем вы их прочтёте, они запомнятся вам. Вы побываете вместе с их автором и на горных тропах Кавказа, и в знойных песках Средней Азии, и в Пакистане, и в Индии, и на Индонезийских островах. Вы увидите, как этот замечательный человек любит свою страну, как хочет он вместе со всеми нами, чтобы трудовые люди всей земли жили мирно и никогда не знали большие войны.

В этой книжке, которая сейчас перед вами, писатель рассказывает о детях и собственном детстве. Будущий писатель был мальчиком живым, наблюдательным. Вместе со своими друзьями, такими же ребятами, как он сам, он уже тогда понимал, как интересно всё то новое и непривычное, что можно каждый день увидеть вокруг себя. И, став взрослым человеком, знаменитым писателем, Николай Семёнович возвратился к воспоминаниям своего детства. Ему хотелось, чтобы дети с таким же интересом присматривались к тому, что окружает их, были весёлыми, бодрыми, пытливыми и не забывали о том, что всё, чем богата наша теперешняя жизнь, добывалось немалыми и героическими трудами отцов и дедов.

Вс. Рождественский

Рисунки Л. Рубинштейна

© Состав.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

СОЧИНИТЕЛЬ

Мы были уже взрослые мальчики и не только бегали смотреть, как играют в футбол, но и сами играли. Было это под Петроградом, хотя тогда даже Петрограда не было. Был столичный город Санкт-Петербург. Называли его попросту Питер. Жили мы на даче в деревне Глазово около Павловска.

По вечерам повелось в нашей мальчишеской компании, не знаю уже, не помню, с чьей лёгкой руки, рассказывать друг другу о прочитанных книгах. Условием было, чтобы прочитанная книга была захватывающего содержания. Поэтому совершенно естественно, что в этом устном клубе, на старых брёвнах, на дачных задворках, рассказаны были по порядку книги всех властителей дум того времени: романы Жюль Верна, Жаколио, Буссенара, Лори, Пембертона, Джека Лондона, Густава Эмара, Фенимора Купера, Сальгари. Мальчики были начитанны — иные из них брали книги в библиотеках, иные получали журналы «Вокруг света» или «Природа и люди».

Каждый, кто рассказывал, понятно, хотел поразить воображение других, чтобы мороз по коже шёл, чтобы все завидовали, что он читал такую потрясающую книгу, которой они и не знали. В порядке очереди я принимал участие в этих рассказах, но скоро должен был заметить, что я иссякаю, что рассказывать что-нибудь удивительное мне уже не под силу, так как романы, которые я читал, я все рассказал, а новых нет и не предвидится. А между тем я в этом тесном кругу мальчиков уже успел выделиться, так как рассказывал красочно, сильно, с жестами, производил большое впечатление своими рассказами, и уступать это первенство мне не хотелось.

Моим соперником был мальчик Пашка Тырданов. Мы с ним состязались в искусстве рассказывать. Но теперь наступал кризис. Если Пашка придёт на очередной вечер с новым рассказом, мне нечем будет его перекрыть. Что делать? Я лёг под дерево у так называемой Пиль-башни в парке и погрузился в большое раздумье. Чем силен хотя бы Жюль Верн? Почему я!

не могу быть Жюлем Верном? Я стал анализировать его романы. До этих пор я не имел понятия о том, как писал романы Жюль Верн. Но я начал их разбирать, чтобы постичь механизм сложного романа приключений. Понемногу ход моих размышлений привёл меня к таким результатам.

Берётся страна, по возможности далёкая, неизвестная. Берётся климат этой страны и записывается отдельно, какие явления природы там характерны, — допустим, там часты песчаные бури, или тайфуны,

или вьюги, если это север. Допустим, там бывают сильные наводнения или извержения вулканов. Потом — посмотрим, какие там звери. Есть ли там хищники: тигры, львы, пантеры. Есть ли там ядовитые гады и какие. Какие там растения — может быть, ядовитые для человека, может быть, исполинские или карликовые.

Теперь надо найти сюжет. В лучшем случае — тайна или научное открытие. Как будто что-то интересное во всём этом есть...

Значит, герои едут из одной страны в другую, и тут надо вспомнить, кто там живёт. Может быть, к счастью, попадутся людоеды, или воинственные исполины, или хитрые карлики.

Теперь действие пойдёт как по маслу. Найдено письмо с таинственным шифром. По-видимому, где-то зарыт клад. За ним едут. Приключения поступают по порядку, чередуясь. То климат доставляет неприятности, то дикари угрожают, то опасность от зверей, то ещё что-нибудь вроде вулкана или бури... Очень хорошо! Механизм заработал.

Я явился на вечернюю беседу, имея в голове готовый для рассказа роман. Я рассказывал его долго, так как придумывал на ходу всякие новые приключения. Мой успех затмил Пашку Тырданова, рассказавшего очень неясно и бестолково роман Райдера Хаггарда «Она». То ли он был не в духе, то ли мой блестящий успех смутил его, но его рассказ в подмётки не годился моему рассказу. Все кричали, чтобы я назвал автора. Я сказал: это американский писатель капитан Смит.

— Никогда не слышал такого,— мрачно сказал Пашка.— Где ты достал эту книгу?

— Я читал её давно, в детстве,— небрежно сказал я,— даже картинки помню.

С этого вечера моё право первенства не оспаривалось, но мне приходилось теперь непрерывно работать, так как надо было сочинять всё новые и новые романы, со множеством приключений в разных странах. Мне, правда, не приходилось писать свои романы, я ограничивался тем, что сочинял план, конспект, записывал краткое изложение с быстрыми сценами, и эти записи походили на то, что сегодня называют сценарием.

Так как я в то время увлекался военной историей, то мне ничего не стоило брать оттуда темы, а развивало и дополняло их моё необузданное воображение. Я заболел рассказоманией. И заразил этим моих слушателей. Уже капитан Смит с его романами был сменён целым рядом вымышленных авторов, уже были рассказаны романы, где действие происходило и в Австралии, и в Азии, в Тибете, и в Африке, где я взял сюжет из времени восстания Араби-паши и Махди в Египте, уже я освободил Константинополь от турок, изгнал европейцев из Китая, голландцев из Суматры и Явы, англичан из Индии. Я не лез в карман за подробностями. Моя голова гудела от них.

Пашка Тырданов уступил мне первое место скрепя сердце. Он уже никакими романами из «Мира приключений» не мог забить неисчерпаемого водопада моей безудержно летящей фантазии. Никто из ребят не мог допустить мысли, что здесь обман. Они прыгали от восторга, и только мои авторы вводили их в смущение. Они спрашивали о них меня, они спрашивали у знакомых и родителей, и никто не знал этих неведомых писателей, кроме меня одного. Правда, я

иногда пробовал приписывать мои романы известным авторам, но этих книг тоже никто, естественно, не читал. В упоении своего успеха я позволял себе уже более глубокое проникновение в тему. Я перешёл на исторические сюжеты. Я сказал, что вспомнил ещё один очень длинный, в пяти частях, роман, который называется «Звёздный плащ, или Трагедия в Кверетаро». Речь шла о судьбе мексиканского императора Максимилиана, расстрелянного по приказу народного вождя восставших мексиканцев — Бенито Хуареса. Ну кто, кроме меня, зачитывавшегося книгами о войнах, мог знать детали этой старой истории, полной самых трагических подробностей!

Моя адская память перерабатывала огромный материал, но даже мне трудно было действовать без предварительных набросков. Я записывал на листках отдельные главы, приключения героев, исторические события. Я рассказывал этот роман в опьянении победителя.

Пашка Тырданов пожирал меня глазами и ничего не понимал. Но в его хитрых прищуренных глазах я угадывал что-то задуманное против меня. Он уже не спрашивал, кто автор. Он только аккуратно приходил послушать, так как это был необыкновенный номер. Я рассказывал каждый вечер с продолжением. Я так вошёл в эту роль, что мне не хотелось кончать приключения моих героев. Казалось, они будут продолжаться бесконечно. Поражённые услышанным, мальчишки просили рассказывать без сокращений. Если бы они знали, что мой монтаж потерял конец! Я сам не знал, чем кончу. Один раз мне пришлось в голову сказать, что конец книжки оторван и я его не знаю, но, взглянув на лица слушателей, я понял, что

мне этого не простят. Я тщательно придумывал конец. Пашка хмурился день ото дня всё больше. И конец моим рассказам наступил раньше, чем я предполагал.

Когда я, продекламировав очередную часть, сказал, что завтра будет конец, Пашка усмехнулся и сказал:

— Можно три вопроса?

— Давай хоть четыре, хоть шесть,— сказал я, смотря на него с превосходством чемпиона.

— Первый вопрос: кто автор? — спросил Пашка.— Ребята, смотрите на него внимательно...

Он хотел смутить меня этим вопросом, но я был готов к нему.

— Я уже говорил, что первой страницы в этом романе не было. А переплёт был разорван, и вторая страница тоже — на сигарки кто-то свернул. Что пристаёшь — глупо. Откуда я тебе имя возьму?

— Так,— сказал Пашка голосом судьи, и мне это не понравилось.— Второй вопрос: покажи эту книжку, ты говорил, что она у твоего дяди была...

— И про это я уже говорил, а ты не слушал. Она была, а потом кто-то украл её, ремонт был у нас в квартире. Я нашёл её, уже она была масляной краской залита, и ничего нельзя было разобрать.

— Так,— сказал совсем мрачно Пашка,— третий вопрос: когда конец будет твоему рассказу, твоей муре...

— Во-первых, это не мура. Муру бы так не слушали. И ты так бы не злился, я тебя знаю. А у тебя что-то в башке испортилось, что ты всё спрашиваешь о том, о чём я уже говорил. Я сказал и могу для тебя повторить: завтра конец будет, понятно?

— Нет, конец будет сегодня! — закричал Пашка, вскакивая на бревно и размахивая руками.

— Сегодня конца не будет, — сказал я, — я устал.

— Нет, конец будет сегодня, — заорал Пашка, — сейчас будет конец! Я нарочно спрашивал, для проверки. Никакого автора нет, никакой книжки нет и не было. Он всё врёт. Он нас всё время обманывал. Он сам всё сочинил. Вот доказательство...

И он запрыгал по брёвнам, тряся над головой какими-то бумажками. Когда я пригляделся, я схватился за карман. Карман был пуст. Пашка потрясал мои-

ми записками, моими черновиками. Мальчишки хватили эти бумажки и, смеясь, читали мои перечёркнутые строки, мои варианты последних глав. Я забыл эти листки на скамейке перед Пиль-башней. Пашка проследил меня и утащил эти листки из-под моего носа. Я был разоблачён.

— Он нарушил обещание, он нёс всякий вздор, вместо того чтобы честно рассказывать прочитанные книги. Изгоним его из нашего клуба! — орал Пашка, и многие присоединились к нему. В них говорили, по моему, все низкие страсти: зависть, тщеславие, униженная гордость.

Я тоже кричал на них:

— Всё равно вы потеряли, а не я! Вы так и не узнаете, какой будет конец!

Они не слушали меня, свистали и кричали, что я обманщик, что сочинитель. Они кричали об этом с такой обидной насмешкой, что я понял: они меня изгонят из этого клуба рассказчиков.

— Хорошо,— сказал я, стараясь перекрыть крикунов и Пашку,— я ухожу. Оставайтесь со своим Пашкой. Пусть он услаждает вам слух. Вы злы потому, что я нарушил обещание, вы злы потому, что вы не умеете ничего сочинить. И Пашка тоже. Вы сами ничего не умеете сочинить. Ну и читайте чужие книги всю жизнь. Чужие, а не свои...

С этими словами я покинул навсегда вечерний клуб рассказчиков на брёвнах, на дачных задворках в деревне Глазово около Павловска.

КАК Я БЫЛ АКТЁРОМ

В детстве жил я на даче на Чёрной речке. Там было множество детей, и мы играли в самые разные игры: в войну, в индейцев, в сыщиков, в цыган.

Когда же начиналась драка всерьёз, матери бросались разнимать нас и выводить главных драчунов за уши из боя.

Но вот все игры нам наскучили, и мы не знали, что

делать. Главным заводилой у нас был мальчик Паша. Он был старше нас. Он всё знал и всё умел. Его мы называли «профессор кислых щей и баварского кваса».

Паша, собрав детей, предложил сделать спектакль.

— А пьеса какая? — спросили дети.

— А пьесу мы напишем сами, — ответил Паша, и это всем понравилось.

Мы стали писать пьесу целой толпой. Но сначала возникли большие споры. Девочки требовали, чтобы пьеса была про путешествие, потому что они хотели плясать танцы диких. Им очень хотелось плясать, и они настаивали, чтобы в пьесе были пляски.

Но мальчишки остановились на войне. Тогда шла война с японцами, и все мальчишки мечтали о сражениях и о героях. Паша сказал как самый главный:

— Будем играть пьесу «Оборона Севастополя».

— Что это такое «Оборона Севастополя»? — спросили все у Паши.

Паша рассказал очень складно содержание пьесы — о том, как разные народы напали на Россию и осадили Севастополь. Он рассказал про адмирала Корнилова и адмирала Нахимова и про то, что в этой пьесе будет много стрельбы, много убитых и раненых.

Он не сказал, откуда он взял эту пьесу. Он видел такую феерию на сцене Народного дома, и она ему хорошо запомнилась. Нам, мальчишкам, это всё очень понравилось, но девчонки стали кричать:

— Вам интересно — вы будете умирать, а мы что будем делать?

Паша остановил их крики и сказал:

— Вы будете сёстры милосердия и будете за на-

ми ухаживать. У вас будут белые передники и красный крест на груди и на рукаве.

Девчонки согласились, что это пойдёт им, но только спросили:

— А после войны мы будем плясать?

Паша пообещал, что после войны все мы будем плясать и жечь бенгальский огонь.

Работа закипела. Девчонки изо всех сил шили себе передники с красными крестами. А мальчишки делали из тряпок эполеты и приготавливали деревянные ружья и пистолеты, закупали массу пистонов в мелочной лавочке.

Все радовались спектаклю, даже матери, потому что на это время драки прекратились. Было не до них. Все дети стали послушными, так как самым большим шалунам объявили, что их не пустят на сцену, если они будут безобразничать.

Вышло только не совсем гладко, когда стали договариваться, кто будет кого изображать. Все хотели играть героев, а героев в пьесе было не так много.

Я, как самый азартный мальчишка, пробился в герои. Я только не знал, кого играть интересней: Корнилова или Нахимова. Но Пашка по-приятельски посоветовал играть Корнилова.

— Понимаешь, Нахимов главный герой, но он должен падать просто так, потому что его пуля убивает; а ты играй Корнилова — тебя ядро в живот ударит. Это красивей.

— А как ты сделаешь ядро? — с некоторой опаской сказал я. — Не будет очень больно?

— Ядро я сделаю сам, — сказал он. — Не бойся, до смерти не убью.

И он уговорил меня играть Корнилова. Я был в

чёрном пиджаке, который сидел на мне, как пальто. На плечах у меня были большие генеральские эполеты с мишурой, на поясе болтался большой кортик, сделанный из дерева. Вместо ножен у меня был пенал, завёрнутый в чёрную материю. На голове была гимназическая фуражка, которую мне одолжил знакомый гимназист. Только с фуражки мы сняли серебряные пёрышки и сделали круглую кокарду.

Под носом я нарисовал углем длинные и чёрные усы, но Пашка сказал:

— Сократи усы — ты не Тарас Бульба, а генерал.

Играли на большой террасе, которую нам разрешили занять под спектакль.

Зрителей было сколько угодно. И при виде большой толпы все играющие пришли в такое возбуждение, что крик и шум на сцене были страшные. Стреляли больше чем надо и кричали до хрипоты.

Я кричал больше всех, но мне всё было мало. Сцена изображала бастион. Стулья были накрыты половиками, а самоварные трубы изображали пушки, но никто этого не замечал. Дым от выстрелов поднимался к потолку. Терраса была закрытая.

Я вышел на бастион. Я сказал:

— Товарищи, отступить нам некуда,— и показал на сад, в котором сидели зрители.

Там захохотали при этих моих словах.

Я обозлился, поправил кортик, сказал в сад негромко: «Дураки!» — и хотел повторить фразу, но Пашка поторопился, и вдруг меня ударил в живот большой футбольный мяч, оклеенный чёрной бумагой. Я упал, сам того не ожидая.

Меня подхватили и потащили. Девчонки окружили меня, прикладывая платки к глазам, делая вид,

что плачут, но так, чтобы было видно, что у них на груди красные кресты. Я хотел протестовать, что меня рано убили, но Паша шепнул: «Молчи!» Меня выволокли и бросили на полу в балконной комнате, а все вернулись на сцену.

Я слышал, как среди грохота и шума Паша кричал: «Адмирал Корнилов убит!»

Я был очень азартный мальчик, и я не мог спокойно сидеть на полу, когда там играли. Тем более, что я видел в зеркало, какие на мне пышные генеральские эполеты. И вообще я был хорош, но только один ус размазался по щеке, пока меня тащили. Нет, я не мог сидеть в бездействии. Я взял крокетный молоток, валившийся в углу, и, опираясь на него, вышел на сцену, как раненый инвалид.

Зрители в саду снова захохотали. Я взглянул и заметил, что хохотали больше других те, кого мы не приняли играть в спектакле.

На сцене все остановились в недоумении, потому что моё появление их смутило. Но я сказал:

— Вышла ошибка. Адмирал Корнилов не убит, а только ранен.

Я хотел дальше командовать, хотя понимал, что я всё перепутаю. Но я, повторяю, был в азарте, и меня уже ничто не могло остановить.

Однако Паша был хитрее меня. Он только секунду стоял в растерянности, а затем снова схватил свой проклятый футбольный мяч, оклеенный чёрной бумагой, и пустил в меня с такой силой, что я, не ожидая этого подвоха, снова свалился.

И он первый бросился ко мне, крича:

— Теперь его убили совсем!

И меня поволокли уже гораздо небрежнее, чем

первый раз, и девчонки уже не плакали, а исподтишка давились хохотом. Снова выброшенный в балконную комнату, я был вне себя, и все мои мысли спутались. Нос мне щекотал кислый дым от выстрелов, и я слышал, как одна мамаша крикнула:

— Стреляйте, дети, поменьше, вы задохнётесь!

Я знал, что финал будет очень интересный, и решил, что мне терять нечего и я снова появлюсь на сцене — в третий раз. Но Паша как будто чувствовал моё намерение. Он вбежал ко мне и сказал:

— Не смей больше выходить на сцену.

— Почему? — сказал я. — Вы играете, а я на полу сижу. Могу я в третий раз помереть?

— Не можешь, — сказал Паша. — Идиот! Герой три раза не умирает, герой умирает только раз. Ты уже два раза помер; если ты выйдешь на сцену третий раз, ты будешь не герой, а дурак. А у нас не цирк, а феерия. Понимаешь, балда?

Я сидел ошеломлённый. А ведь Паша был прав! Как можно умирать три раза? Герой умирает только раз — это верно...

Это было очень печально, но тут ничего не поделаешь. Тогда я решительно снял с себя чужой пиджак с мочальными эполетами, снял кортик и фуражку и пошёл через чёрный ход в сад и сел среди зрителей.

И когда всем хлопали после конца спектакля, все кричали:

— А где Корнилов?

Мне стало почему-то стыдно, но меня заставили встать и раскланяться.

А потом жгли бенгальский огонь, все плясали, и девчонки прыгали больше всех и ни за что не хотели снимать передников с красными крестами на груди.

ДВОРЕЦ

Однажды, когда я был совсем маленьким мальчиком, мы пошли с бабушкой гулять. Петербург в те далёкие времена, полвека назад, имел совсем другой вид. По улицам ехали извозчики, возы, которые везли

огромные рыжие лошади, проносились кареты с завешенными окошками; слышались звонки конок; стучали колёса омнибусов; шли медленно пешеходы; на Неве, на серо-свинцовой волне, покачивались ялики, пробегали, дымя, маленькие, узкие парходики, набитые простым людом.

Мы свернули от моста на площадь, и передо мной встала громада Зимнего дворца, против которого дугой изогнулось здание Главного штаба. Мы шли прямо во дворец.

— Куда мы идём, бабушка? Разве туда пускают?

— Когда царя в городе нет, пускают,— сказала бабушка.— За деньги пускают, вроде прогулки, дворец посмотреть.

И действительно, дворцовые лакеи собрали группу посетителей, и мы начали ходить в их сопровождении из комнаты в комнату, из зала в зал. Потом я узнал, что во дворце свыше тысячи покоев, как говорили в старину, больше сотни лестниц и много всяких картин и статуй. Я скоро устал, но бабушка говорила мне шёпотом:

— Тут садиться нельзя, ты иди, мы самого Петра увидим.

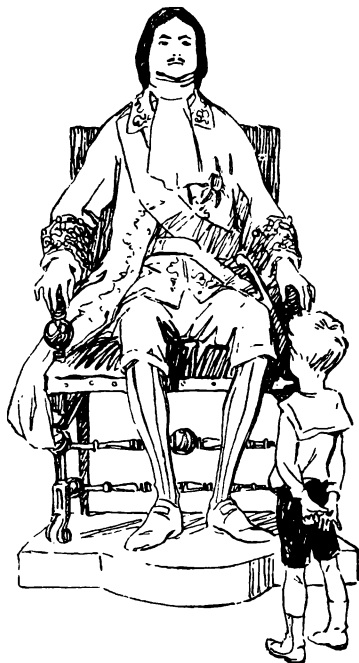
— Какого Петра, бабушка? — также шёпотом спросил я.

— Какого Петра, дурачок? Да того, что Петербург построил, сам топором себе первый дом рубил...

— Так он плотником, значит, был...

— Каким плотником? Он царём был, дурачок.

Мы пришли к переходу через Зимнюю канавку, и я ещё издали увидел, что посреди галереи в высоком кресле сидит очень высокий человек в зелёном камзоле, с сердитым восковым лицом, на котором топор-

щатся узкие чёрные усы, каждый волосок которых блестит, точно они смазаны маслом.

И вдруг сопровождавший нас лакей подбежал к сидевшему, наклонился к нему, будто что-то шепнул на ухо, и сейчас же, отступив, сказал громко:

— Царь Пётр Первый приветствует вас!

При этих словах царь выпрямился, что-то зашуршало, тоненько звякнуло, и Пётр встал во весь свой исполинский рост, посмотрел на нас невидящими,

стеклянными глазами и медленно поклонился. Потом так же медленно, с лёгким скрипом сел и снова замер. Какая-то женщина закричала от испуга. Бабушка крепко держала меня, как бы проверяя, не дрожит ли моя рука. Но моя рука не дрожала. Мне было очень интересно, и я попросил шёпотом:

— Пусть он ещё поклонится.

Но тут лакей заторопил нас, а бабушка сказала:

— Чего захотел! Только ему и дела, что тебе кланяться.

И мы пошли дальше и скоро оказались у окна, которое выходило в сад. Тут лакей собрал свою небольшую группу посетителей в кружок и, показывая на сад под окном, пояснил:

— Тут сада никогда не было, не полагалось тут

саду быть. Но царь захотел в городе гулять при дворце и приказал, чтобы сделали сад. Ну и дорожки и клумбы — всё по правилу, и, чтобы никто ему не мешал ходить по саду, обнёс его вон какой высокой оградой.

— Это не Пётр, это уже теперешний царь распорядился, — добавила бабушка.

— А можно в этом саду побегать? — спросил я лакея, смотря в окно, приподнявшись на цыпочки.

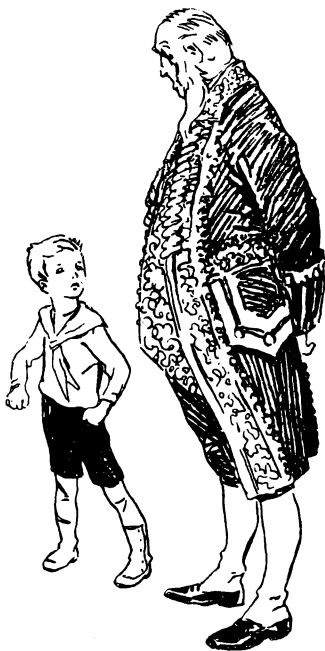
— Нет, мальчик, — серьёзно отвечал лакей, — даже если ты и большим будешь, в этом саду ты гулять не будешь.

— Нет, буду! — воскликнул я с непонятной злостью, но тут бабушка засмеялась и сказала:

— Ну, ну, какой приткий! Не говори глупостей. И пойдём-ка домой, пора.

Я бросил последний взгляд на таинственный сад, в котором никто не гуляет, кроме царя. Я никогда не видел царя и только слышал, что все вокруг меня ругают его Николашкой, и он мне представлялся маленьким, тщедушным, противным карликом в фуражке и с длинной бородой клином.

Прошло четырнадцать лет, и революционный народ сбросил царя. Это было в феврале. А поздним октябрьским вечером того

же семнадцатого года красногвардейцы, матросы и солдаты ворвались во дворец и одержали победу над врагом. Дворец перешёл в руки победившего пролетариата.

Весной восемнадцатого года я шёл мимо высокой гранитной ограды, окружавшей дворцовый сад. Было тихо и тепло. В саду пели птицы, их пение хорошо было слышно на пустынной площади. С ними перекликались птицы из Александровского сада, ныне Сада трудящихся, находящегося напротив Адмиралтейства. На Неве прошёл лёд, и порывы тёплого ветра с моря будоражили воду, на которой ещё кое-где крутились узкие ледяные осколки.

У дворцовой ограды стоял человек, широкоплечий, небольшого роста, со спокойным лицом, и сильными, короткими ударами бил молотком в стену. Несколько прохожих остановились и смотрели на его работу, не совсем понимая, что он делает. Остановился и я.

Работавший отложил молоток и взял лом. Так был странен этот человек, один борющийся с высокой оградой, что наконец мы не выдержали и спросили:

— Что это вы делаете, товарищ?

— Со стеной-то? — сказал он. — Да вот срок ей пришёл. Царя больше нет, запирасть сад не от кого. Постановление такое вышло, чтобы эту стену поломать. Наша артель взялась. Вы не думайте, что я один. Ребята обедать ушли, а я остался тут посторожить инструмент, для порядку. Ну, вот и постукиваю.

Тут увидели мы, что к стене прислонены молотки, ломы, какие-то стальные клинья. Мы пожелали ему успеха и пошли по своим делам.

А через месяц на этом месте был общегородской

субботник и такой шум и гам, такое веселье, что всё происходившее походило на праздник, потому что играли оркестры, а кое-кто в промежутках, в минуты отдыха, пускался в пляс.

Тысячи людей ломали стену, сваливали плиты и тащили их к набережной, где стояли баржи, на которые грузили камни. И хотя со стороны могло показаться, что каждый работает как хочет, без всякого общего плана,— это было неверно. План был, и очень точный. Разбитые на группы добровольцы — заводская молодёжь, красноармейцы, матросы, женщины и мужчины, подростки,— все с энтузиазмом работали на своих участках.

Среди работы, вытирая пот, на секунду остановившись, я оглядел всё пёстрое зрелище — и дворцовые стены, и сад — и засмеялся. Мои соседи удивлённо спросили, чему я смеюсь. Я не открыл им настоящей причины смеха, потому что мне было неловко сознаться, что я вспомнил то далёкое время, когда я, маленький мальчик, смотрел на этот сад из дворцового окна и царский лакей сказал мне, что я никогда не буду гулять в этом саду, а я закричал: «Нет, буду!»

И вот я не только гулял, но и был хозяином этого сада, как и весь народ. И мне захотелось увидеть старого, угрюмого лакея. Что бы он теперь сказал?

К вечеру ограды уже не существовало. Не было и высокой решётки над ней. На обломках камней сидели девушки и юноши и пели революционные песни. Между клумб плясали моряки — неутомимые танцоры. Ленточки их бескозырок весело развевались.

Впечатление было такое, что пришли новые, молодые хозяева и начали перестраивать старый мир и ничто не может противостоять их победной, всемогу-

щей молодости. Красные флаги плескались над головами, и я по-мальчишески подумал: «А что, если подтащить сидящего в кресле воскового Петра к окну, открыть окно, и пусть он встанет и поклонится строителям нового, революционного города!»

Прошли ещё годы. Много раз гулял я по этому дворцовому саду, сидел на скамейках в его небольших аллеях. Не раз слышал, как отцы и матери, ведя своих маленьких дочерей и сыновей, рассказывали им про дворец, про старое время, про сад, в котором мог гулять только один человек с непонятным уже детям именем — царь.

И дети обычно удивлённо и недоверчиво осматривались, потому что их уже не касались эти старые истории, и они смотрели на этот большой дворец и на этот сад как на самые обыкновенные вещи.

ВОЛШЕБНАЯ БУМАЖКА

Это было на даче. Я сидел на складном стуле перед рыбацким домиком, в котором жил. Недалеко от меня играла соседская девочка. Я только знал, что её зовут Лёсик, а больше ничего о ней не знал. Она была вся в веснушках и очень серьёзная. Она всегда играла одна. Её мать подошла ко мне и сказала:

— Я пойду на почту в соседнюю деревню. Мне не-

кого попросить посмотреть за Лёсиком, пока я хожу. Могу я вас попросить посмотреть за девочкой?

Я сказал:

— С удовольствием. Я люблю маленьких девочек. Я даже умею им рассказывать сказки.

— Вот и хорошо,— сказала мать Лёсика и позвала её.

Девочка подошла и сказала:

— Здравствуйте!

— Лёсик,— сказала ей мать,— пока я хожу, ты будешь играть здесь и никуда не уйдёшь, а тебе расскажут сказки...

— Кто мне расскажет сказки? — спросила живо Лёсик.— Я никого не вижу.

— Я тебе расскажу сказки,— сказал я.

Девочка взглянула на меня внимательно и ничего не сказала.

Мать Лёсика ушла, и мы долго видели, как она шла по полю, а потом поднялась на холм, и её больше не стало видно. В это время в воздухе загудел мотор, и над нами низко пролетел к морю самолёт.

Когда самолёт исчез, Лёсик спросила:

— А ты умеешь летать?

— Нет, я не умею летать,— ответил я.

— А почему ты не умеешь? — снова спросила девочка.— Ты — трус?

— Я не трус, а просто не умею,— сказал я, засмеявшись.— А ты умеешь?

— Ну да, умею,— ответила она и стала играть с котёнком.

Тогда я сказал:

— Не говори глупостей. Сядь вот сюда на ступеньку, я тебе расскажу сказку.

Она взяла котёнка на колени и уселась на ступеньку балкона.

— Я слушаю,— сказала она.

Я начал:

— Жил-был Иванушка-дурачок...

Она меня перебила:

— Я не хочу про дурачков.

— Ну ладно,— сказал я,— я расскажу другую сказку, слушай. Жил-был один умный, умный Иван...

Но она меня опять перебила:

— Я не хочу и про умных...

— Вот какая ты капризная,— сказал я.

— Я не капризная,— ответила Лёсик,— мне не нравятся эти сказки.

— Тогда слушай уж такую сказку, что тебе будет страшно. Жил-был ужасный, громадный Змей Горыныч, и он ел маленьких девочек, особенно у которых мама пошла на почту и оставила их одних...

Лёсик посмотрела на меня удивлённо и сказала:

— Я знаю эту сказку, она очень скучная, и в ней всё совсем не так. Ты не умеешь рассказывать сказки. Это всё не всамделишные сказки. Хочешь, лучше я тебе сама расскажу?..

— Ох, пожалуйста, расскажи,— сказал я,— а то я не знаю, чем тебя занять.

Лёсик погладила за ушами у котёнка, немного подумала и быстро начала говорить:

— Вот слушай, только не перебивай. Если будешь перебивать, я собьюсь сама и ничего не получится...

— Я не буду перебивать,— сказал я,— пожалуйста, рассказывай.

— Нам дали с мамой такую бумажку, и мама показала её дяде. Дядя посадил нас в автомобиль и

привёз на зелёный-зелёный большой луг. Только он не совсем был зелёный. Он был жёлтый. Ну, он был жёлтый с зелёным. А над ним были, вот как сейчас, белые-белые облака. И пришёл дядя, мама дала ему бумажку, и он сказал мне: «Что ты смотришь наверх? Тебе облака нравятся?» Я сказала: «Очень!»

И мы сели на кресло, и вдруг, я гляжу, облака уже рядом, только мне нельзя до них дотронуться. А они, как белые овцы, кругом ходят, а небо уже голубое-голубое, как весной. А потом вдруг, смотрю, они уже маленькие овцы и по земле ходят, много овец и их уже пастух гонит, мне мама и пастуха показала. А потом они пропали все, а мы попали прямо в зиму. Снег лежит, горы кругом большие, как на ёлке, всё в снегу. Я немножко испугалась, но мама говорит: «Ничего, не пугайся. Тебе не холодно?» Я сказала: «Нет, не холодно», — а мне было страшно и холодно. Вдруг я увидела море. Море было одно. Ничего, кроме моря, больше не было. Я засмеялась и обрадовалась. Я сказала маме: «Мы сейчас как рыбы. Только море — и больше ничего. И мы с тобой».

А море перевернулось вверх ногами, и больше я не видела моря. Я увидела маленькие горки и на них леса, золотые, красные, жёлтые, зелёные, как на даче осенью. Так много лесов — и ни одного зайца. Я спросила: «Мама, а где же здесь зайцы?» Мама сказала: «Они в гости ушли». Но это неправда, они не могли все в гости уйти. «Они не хотят с тобой разговаривать, — сказала мама, — ты глупости спрашиваешь». — «Ну, а если они не хотят разговаривать, — сказала я, — мне их тоже не нужно, и мне скучно, я в город хочу».

Мама засмеялась: «Вот тебе будет сейчас и го-

род». И правда, как это мама всё знает! Сразу и город. Домов много, и речка большая, и зелёный — нет, жёлтый с зелёным луг, и мы пошли по лугу. Было жарко, как летом. Я хотела пить, и мне дали жёлтого мороженого. Я даже съесть всё не могла и хотела спрятать на память. А мороженое у меня в стаканчике растаяло, и ничего не осталось. Мороженое нельзя прятать на память. Оно не любит прятаться. Я так устала, так устала и заснула. И проснулась—смотрю, уже дома. И всё как было раньше. И мама со мной. И папа со службы пришёл. И так смешно, все чай пьют... Хорошую сказку я знаю? Нравится тебе?

— Нравится,— сказал я,— а тебе?

— И мне очень нравится!

— Только я не всё понял. Я не понял, что это за бумажка, которую мама дяде показывала?

— Я тебе её сейчас покажу,— сказала Лёсик, но, подумав, сказала: — Нет, я тебе не могу показать. Я не знаю, где она у мамы лежит. Её мама спрятала... Ты подожди, скоро мама с почты придёт.

Скоро пришла мама, и девочка побежала к ней:

— Мама, мама, где та бумажка?

Мама ей что-то сказала, и Лёсик побежала к себе в дом, а мама подошла ко мне:

— Не очень вам мешала Лёсик?

— Она мне совсем не мешала, она мне сказку рассказывала...

— Она же не любит сказок. Какую же сказку она рассказывала?

— Про волшебную бумажку...

— А! — сказала мама Лёсика.— Сейчас она вам принесёт эту бумажку.

— Она так интересно выдумывает,— сказал я.—

Из неё писатель будет, наверно, когда она вырастет.

— Она ничего не выдумывает,— сказала мать Лёсика.

— Как — ничего, а про море, облака, горы, города?..

— Это не выдумка,— сказала, смеясь, мать Лёсика.— Мы прошлый год летели с ней из Тбилиси в Москву, на самолёте. За семь часов долетели,— правда, очень быстро? Через море и горы летели, и ей очень понравилось. Она с тех пор об этом только и рассказывает.

Тут подошла Лёсик, запыхавшись, и протянула мне бумажку. На бумажке был нарисован синий самолёт и было написано: «Пассажирский билет от аэропорта Тбилиси до аэропорта Москва. Управление Гражданского воздушного флота».

Вот какая была эта девочка, а я знал только, что её зовут Лёсик, а больше ничего не знал. С тех пор я очень уважал Лёсика и больше не рассказывал ей сказок, которых она не любит.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЧИНИТЕЛЬ	3
КАК Я БЫЛ АКТЁРОМ .	12
ДВОРЕЦ	18
ВОЛШЕБНАЯ БУМАЖКА	. 25

Для младшего школьного возраста

Николай Семёнович Тихонов

ВОЛШЕБНАЯ БУМАЖКА

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор Л. П. Серебрякова.
Художественный редактор И. Г. Найдёнова.
Технический редактор И. Я. Колодная.
Корректор К. И. Каревская.

Сдано в набор 25/V 1976 г. Подписано к печати 22/XI 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Усл. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,33. Тираж 750 000 экз. Заказ № 3308. Цена 7 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

Тихонов Н. С.

Т46 Волшебная бумажка. Рассказы. Рис. Л. Рубинштейна. М., «Дет. лит.», 1977.

31 с. с ил. («Книга за книгой»).

В книгу вошли рассказы «Дворец», «Как я был актёром» и др.

Т $\frac{70802-035}{M101(03)77}$ 233—77

P2

Цена 7 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1977 году вышли и выходят следующие книги:

Лавренёв Б. РАЗВЕДЧИК ВИХРОВ.

Рассказы о героизме советского народа, о подвигах солдат.

Островский Н. ГУДОК.

Отрывок из романа «Рождённые бурей». События, описанные в нём, происходят в годы гражданской войны на Украине.

Шолохов М. ФЕДОТКА.

Отрывок из романа «Поднятая целина».